

должен был взять фамилию жены. Так появились малышевские колокольчики. Малышевы — фактически те же Трошины.

И наконец, Егор Спиридонович Клюйков. Ему не удалось полностью окончить даже начальную школу, но всю свою жизнь, благодаря пытливному уму, он занимался самообразованием, имел хорошую библиотеку, разбирался в технических чертежах. Выполнял даже заказы по изготовлению парходных принадлежностей.

Завод основал в 1879 году в деревне Остапово на левом берегу реки Колесенки, рядом с Пурехом. Постоянно стремился усовершенствовать производство. Очень внимательно следил за рекомендациями акустиков.

Крупнейший специалист по этой части Аристарх Александрович Израилев, например, утверждал, что всякий рельеф на колоколе — нарост на звучащем теле, и для улучшения звона предлагал рельефы не делать, а надпись помещать по верхнему основанию и делать ее вырезанной. Было ли это учтено при литье крупных колоколов — трудно сказать, но Клюйков внял этому совету и выпустил много колокольчиков с вырезанной надписью вокруг ушка.

Потом это стали применять, и довольно успешно, И. М. Трошин⁵ с компаньоном А. И. Бадяновым⁶.

В 1907 году на выставке в Брюсселе Е. С. Клюйков был награжден золотой медалью. В 1908 году в Ростове-на-Дону за колокольчики он получил большую серебряную медаль, за литье корабельных деталей большую золотую. В 1913 году экспонировал колокольчики в Риме и награжден тоже золотой медалью. В 1914 году передал завод зятю Матяеву, но дело у того не пошло, и прекратился выпуск самого крупного когда-либо существовавшего в России завода по изготовлению колокольчиков. Умер Е. С. Клюйков в 1922 году.

Для полноты картины можно назвать более мелкие мастерские Пуреха и его окрестностей, и даже мастеров-одиночек, которые тоже оставили свои имена на колокольчиках:

Егор Арсеньевич Добрынин, Петр Иванович Старков, Дмитрий Степанович Кожевников, Иван Скуров, братья Молевы, Григорий и Павел Григорьевичи Чернигины, Егор Ефи-

мович Макаров, Иван Оброков, Митюнин, Я. Ф. Малышев, А. М. Софонов — в Пурехе. Малышевы и Софоновы встречаются с разными именами.

Василий Евграфович Гагарин, Федор Иванович и Михаил Иванович Галановы, Григорий Типленин — в деревне Остапово.

Иван Никитич Жанаков, Ефим Николаевич Манаков — в деревне Плещиха.

Федор Иванович Ведев — в деревне Андреевка.

Алексей Александрович Ерохин — в деревне Осташино.

Алексей Иванович Чугунов — в деревне Бурцево.

Братья Еремины — в деревне Губцово⁷.

Василий Андреевич Городничев — в деревне Поросятаво.

В Павлове Нижегородской губернии существовали заводы: братьев Гомулиных, И. А. Чилина, Федора Рыженкова, Александра Рыженкова. Вообще фамилия Рыженковых, связанных с литьем колокольчиков, очень распространенная.

В селе Сосновском Горбатовского уезда были два кустарных заведения, которые производили железные бубенцы и ботовья для скота. Одно принадлежало В. М. Андронову, другое И. Ф. Тубыкину.

В деревне Ярымово Горбатовского уезда колокольчики отливал Николай Харитонов.

Бронзовая медаль II Всероссийской выставки в Санкт-Петербурге

Колокольчик братьев Молевых с Георгием. 1876 г. Пурех

Завод В. Ф. Ведева. Пурех

В селе Богородском — Петр Сыров и Василий Сыров. В деревне Чечево — Аким Аникин.

И это еще не полный перечень мастерских и мастеров.

А кроме того, было ведь и великое множество просто рабочих, занятых в этих мастерских. Оплата наемным работникам существовала подневная, помесечная и годовая, если хозяин заведения производил продукцию круглый год. Поденные получали в среднем 1 рубль 10 — 1 рубль 15 копеек литейщик, и до 1 рубля 30 — формовщик. Помесячные рублей до 20, а ученики 6—8. Годовые же заработки на хозяйских харчах — 100—150 рублей. Мастер с помощником, будь он литейщик или формовщик, до 400. Зарботки для деревни, как видно, очень приличные.

В 1902 году на Нижегородскую ярмарку колокольчиков и бубенчиков доставлено на сумму 35 000 рублей, а в 1905 году — на 40 000 рублей, в 1906-м — на 35 000, в 1909 году — на 25 000 рублей.

В 1914 году колокольчиков и бубенчиков было привезено 2000 пудов, но 500 пудов не распродано. Промысел начал сильно падать, и уже в 1915 году привоз изделий сократился вдвое. К этому времени медь подорожала, да и потребность в колокольчиках в военное время резко снизилась, а потом и вовсе исчезла. Пурех стал работать на войну, выделывать муфточки и стаканы для ручных гранат.

А в 1922 году, когда Советская власть установила Нижегородскую ярмарку, колокольчики и бубенчики там уже не появлялись.

Естественно, исчезнуть сразу и бесследно такой огромный промысел не мог. После революции оставшиеся мастера работали на рыба-

ков, отливая маленькие колокольчики. Затем перешли на новый материал — чугун, изготавливали колокольчики для детских садов. Последний мастер, Иван Максимович Трошин, в деревне Пырьево прекратил заниматься литьем после Великой Отечественной войны.

Ушел в прошлое интересный промысел, но остались его звонкие изделия, воспетые русскими поэтами А. С. Пушкиным, А. К. Толстым, С. А. Есениным, композиторами М. И. Глинкой, С. В. Рахманиновым.

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

¹ Лучшие валдайские колокольчики от нормального удара звенят 30 секунд, а мастеров Пуреха, таких, как Веденеев, Трошины, Кляйков, заказные колокольчики звенят более 40 секунд.

² На рубеже веков было предложение объединить под общим названием Пурех села Пурех, Крапивино, деревни Остапово, Плещиха, но жители этих поселений просили сохранить старые названия. В дальнейшем с Крапивино вошло в Пурех; д. Плещиха вошла в д. Остапово.

³ Желание заказчика, чтобы колокольчик был с серебром, выполнялось неукоснительно, это было делом чести и совести мастера.

⁴ К. И. Овечкин в 1882 году в Москве на Всероссийской выставке получил за колокольчик бронзовую медаль, а его сын В. К. Овечкин участвовал на 1-й Всероссийской выставке 1902 года в Сиб.

⁵ И. М. Трошин — приемный сын Михаила Макаровича Трошина.

⁶ А. И. Бадянов — вначале работал по найму у Е. С. Кляйкова. Многие работники этого завода, впоследствии открыли собственное производство, таким образом, завод Кляйкова служил школой этого промысла в Пурехе.

⁷ Заметить надо об орфографии некоторых мастеров, где одни и те же названия встречаются с разными гласными и согласными: «Пурех» и «Пурих», «Осташино» и «Асташино», «Губцово» и «Гупцово».

Бронзовая
медаль
Всероссийской
выставки
1882 г.
(К. И. Овечкин)

Давние дни

Это произошло неожиданно. Ничто не предвещало беды. Как обычно, начинался день, по-осеннему мягко светило солнце, горожане спешили по своим делам.

Смерч! Говорят, такое бывает раз в сто лет. И надо же было ему случиться именно над Ростовом! Сила его разрушительна. Пожалуй, никто еще толком ничего не понял, а смерч, в считанные секунды пройдя по Февральской улице и над кремлем, закружился над Неро, вздымая страшный водяной столб, и стих так же быстро, как налетел, — озеро не пустило дальше.

Взорам горожан предстали разрушенные дома, сорванные крыши, опрокинутые автомобили. На кремль было страшно смотреть — полуразвалившиеся постройки, снесенные купола храмов, груды кирпича и битого стекла.

На следующий же день в Ростове работала правительственная комиссия, а вскоре в городе появились средних лет, высокий немногословный человек. По утрам он приходил в детскую музыкальную школу, садился за рояль, и в открытые окна неслись звуки Чайковского, Бетховена, Листа. Но не только клавиш касались его руки. За роялем он отдыхал, а трудился в кремле — делал обмеры, работал в архиве, ошупал буквально каждый камень. Поселился он в Садовой башне, которую спустя несколько лет предложили назвать «башней Баниге».

Это был Владимир Сергеевич Баниге, автор проекта и руководитель последней реставрации Ростовского кремля. Из города начали приходить к нему каменщики, плотники, рабочие. Началось возрождение кремля...

Еще в начале нашего века основатель и автор известной серии книг «Культурные сокровища России» Юрий Шамурин писал, что «таких памятников XVII века, как в Ростове Великом, нет...»

Глядя сегодня на это узорчатое чудо — Ростовский кремль, похожий на освещенное солнцем облако, трудно поверить, что все это совсем еще недавно лежало в руинах и многие сомневались, можно ли все это восстановить.

То, что сделали здесь советские реставраторы, без всякого преувеличения можно назвать подвигом, но вот оказывается, что считать эту реставрацию, как водится, вторым рождением кремля нельзя. В 50—70-е годы на-

шего столетия Ростовский кремль родился уже в третий раз, а во второй — в веке девятнадцатом, когда основан был здесь музей...

* * *

Они знали друг друга с юности — представители старых купеческих родов в Ростове А. Л. Кекин и А. А. Титов.

Знали прежде всего как жители маленького города одного сословия и одного возраста. К тому же дома рядом: Титовых на Московской улице, Кекиных — на Заровской. Они часто прогуливались вместе по Ростову — город в длину три с половиной версты, медленным шагом за час обойдешь.

Но сближало их гораздо большее, чем прогулки. Увлекала забота о ростовских древностях, и если бы не Ростовский кремль, скорее всего, закончилось бы их знакомство ничем...

Они родились спустя полвека после того, как митрополичья кафедра была переведена в Ярославль и Ростов определен в ранг уездных городов. Этого времени оказалось достаточно для запустения кремля, который в ту пору назывался Архиерейским домом.

Дело дошло до того, что уже в 20-е годы пытались, к счастью безуспешно, разобрать стены и башни. В 1840 году обрушилась Красная палата, и воцарилась в кремле, как тогда писали, «мерзость запустения». Была она такова, что ходить по нему было небезопасно, ибо постройки «ежеминутно грозили падением». Лишь торжественный звон ростовских колоколов напоминал о былом величии города.

Ждать помощи от местных властей не приходилось. По тем временам мало кто задумывался, а тем более заботился об охране памятников, да и щедрая городская смета их восстановление никак не предусматривала. Общих доходов, состоящих в основном из налогов на землю, отдаваемую под богатую Ростовскую ярмарку, было не более пятидесяти тысяч рублей в год, и расходовались они на содержание думы и управы, пожарного двора и священнослужителей, богаделен и учебных заведений — словом, всего того, что составляло жизнь тихого уездного города. И в то время, когда рушились ростовские святыни, городская дума ни шатко, ни валко обсуждала,

«принять ли на счет города для полицейских служителей новые шапки с портупейми» или «ремонт шоссе, прелегающего через город».

* * *

В солнечный весенний день 1885 года у конторы петербургского нотариуса Каченовского остановилась роскошная коляска, запряженная парой породистых рысаков. Из нее вышел уже немолодых лет благообразный господин с орденами Владимира и Станислава на шюруке.

— Алексей Леонтьев Кекин, — ответил он вышедшему встречать его служащему. И, потрогав рукой густую окладистую бороду, добавил: — По делу о духовном завещании.

Вскоре в приемной появился сам хозяин — визит куцда первой гильдии по такому делу случался не часто.

Каченовский был знаком с посетителем — уроженцем Ростова Великого, миллионером, владельцем домов на Невском и Фонтанке, известным столичным благотворителем. «Наверное, все пожелает оставить родным братьям», — подумал Каченовский, вспомнив, что год назад у Кекина умер единственный сын Максимилиан.

— Угодно ли будет приступить к делу сейчас же? — спросил Каченовский, указывая на двери своего кабинета.

— Да, конечно, — ответил Кекин.

В кабинете, сидя в кресле против огромного дубового стола хозяина конторы, Алексей Леонтьевич протянул Каченовскому исписанный лист бумаги.

— Как? Все?! — воскликнул Каченовский, пробежав глазами ровные строчки.

— Да, — кивнул Кекин.

— Не могу не выразить свое восхищение вашим благороднейшим деянием, — торжественно и учтиво произнес Каченовский.

Действительно, удивляться было чему и привыкшему к разным причудам своей солидной клиентуры юристу: все свое состояние, движимое и недвижимое, «в чем бы оно ни состояло и где бы в момент его смерти ни находилось», Алексей Леонтьевич Кекин завещал родному Ростову.

И раньше он, как и другие ростовские граждане, не раз жертвовал городу большие суммы — на эти-то средства и восстанавливался кремль в прошлом веке.

Сейчас же Кекин решил оставить городу все. Максимилиан умер, а денег в могилу с собой не унесешь...

Один из пунктов завещания предполагал в Ростове строительство классической гимназии, а «при первой возможности» университета.

Заверяя завещание, Алексей Леонтьевич, конечно, не мог знать, что осуществиться его давней мечте о Ростовской гимназии суждено будет через двадцать пять лет и что главным участником ее строительства станет друг его юности Андрей Александрович Титов...

* * *

В 1878 году в Ростов пришла весть о победе над турками. Победа отмечалась широко: вспоминались деяния предков, победы русского оружия.

Тогда-то и задумал Андрей Александрович устроить в кремле музей, благо часто бывал

по торговым делам в первопрестольной и видел, как готовятся в ней к строительству Исторического музея.

К тому времени А. А. Титов сделался знатоком ростовских древностей, автором сочинений по истории и археологии, состоял членом нескольких научных обществ, в том числе Российского археологического.

Идея создания в кремле музея постепенно завладела умами горожан. Все больше находилось желающих сделать частные вклады в это общественное дело, пожертвовать свои книги, картины, иконы...

В конце 1882 года Андрей Александрович получил письмо от давних приятелей своего отца — братьев Королевых из далекого Томска. Они сообщали, что готовы пожертвовать на общее дело необходимую сумму.

«Помнят, однако, о завете Дмитрия», — подумал Титов, прочитав письмо. Сам Андрей Александрович никогда не забывал давнего ростовского предания — ни в Лондоне, куда заносила его торговая судьба, ни в Москве, ни в других городах: Дмитрий Ростовский завещал всем ростовцам, где бы они ни находились, куда бы ни переехали, заботиться о городе, иначе не будет успеха в делах, и захиреет род их...

Титову приятно было, что городская дума вняла его просьбам написать Королевым, и вот он держит в руках их ответ.

Теперь пора за дело.

«Милостивый государь, Алексей Сергеевич! — выводит он своим четким почерком. — Решаюсь прибегнуть к Вашему просвещенному содействию в устройстве в городе Ростове Ярославской губернии музея церковных древностей, коими так богата земля наша...»

Это письмо ко А. С. Уварову, председателю Московского археологического общества.

Ответ знаменитого археолога предельно деловой — с его поручительством в Ростов приехал архитектурный помощник Померанцев для составления сметы на реставрацию.

Вскоре Титов выслал в Томск смету на 3500 рублей. Ответ Королевых обрадовал: они просили сделать смету более основательной и не скузиться.

Общий интерес граждан вдохновлял. Увлекала и мысль, что после Москвы Ростов (уездный-то город!) первым будет иметь свой исторический музей, — это когда в иных губернских городах подобного не было.

Вскоре Московское археологическое общество назначило комиссию по устройству музея, и вот уже 15 мая 1883 года состоялась закладка оснований его частей.

Собственно говоря, никакого нового строительства в кремле не предполагалось. Здесь не собирались возводить по примеру Москвы здание музея, а выбрали для экспозиции Белую палату. И если в столице шли долгие дискуссии о том, какими быть архитектуре и убранству будущего хранилища исторических реликвий, то в Ростове таких споров не было — от начала и до конца музей создавался в тех памятниках, что стояли здесь испокон веков.

Кроме законного патриотизма, ростовцами двигало желание не ударить в грязь лицом перед столицей, да и Москва не оставила вниманием Ростов, а потому среди устроителей и членов ростовского музея были И. Е. Забелин, В. В. Стасов, В. О. Ключевский, В. В. Вере-

щегин, И. В. Цветаев, Д. И. Анучин, Ф. И. Бу-
слаев, Д. И. Иловайский, А. А. Мартынов,
К. Н. Бестужев-Рюмин — целое созвездие
имен.

В течение всех лет реставрации непрере-
нными распорядителями работ были А. А. Титов
и И. А. Шляков, гласный Ростовской думы,
будущий хранитель, а потом директор музея...

* * *

Крестьяне стародавних изб, что уютно при-
лепились к церкви Иоанна Богослова на речке
Ишне неподалеку от Ростова, поначалу никак
не могли понять, зачем в их храм приходит
этот высокий статный человек в сюртуке, пе-
репоясанный широкой сатиновой лентой по-
верх рубашки.

Жили они здесь издревле, и каждый мало-
леток в округе знал церковное предание, по
которому эта деревянная церковь стоит на
месте, где святому Авраамии, основателю од-
ного из ростовских монастырей, сам Иоанн
Богослов вручил посох сокрушить идола Веле-
са.

Легенда воспитывала богобоязненность, по-
этому службу в храме они посещали так же
усердно, как и заботились о своем нехитром
хозяйстве.

А этот господин появлялся к окончанию
службы, когда народ расходился, и при нем
всегда был деревянный ящик, который он при-
носил на тонком ремне через плечо.

— Уж не язычник ли это? — спрашивали
одни. — Может, колдун?

— Сказывают, это рисовальщик, — говори-
ли другие, — приехал срисовывать наш храм.

Такого, чтобы художник не подновлял
храм, не расписывал его, а срисовывал, здесь не
видывали. Как-то этого человека видели с Геор-
гиевским крестом на сюртуке.

Это был Василий Васильевич Верещагин.

Ему шел тогда сорок шестой год, но вы-
глядел он старше. Еще бы! Позади были мно-
готрудные путешествия по Кавказу, Турке-
стану, Индии, Сирии и Палестине, позади было
участие в войне с турками.

Частенько Василий Васильевич приходил
сюда с Титовым, которого хорошо знали во
всем Ростовском уезде.

Что привело уже знаменитого тогда в Рос-
сии художника Верещагина в Ростов? Может,
поводом к тому послужило желание выяснить,
не состоит ли он в родстве с последним ростов-
ским митрополитом Арсением IV, который но-
сил в миру фамилию Верещагин?

Но тогда почему же он, единственный жи-
вописец среди историков, археологов и купече-
ства, оказался в числе устроителей ростов-
ского музея?..

За несколько десятилетий до приезда
художника Верещагина в Ростов ранним лет-
ним утром ростовцы были разбужены звукам
пожарного колокола — горела колокольня
Георгиевской церкви Спасо-Песковского мона-
стыря. До этого многие торговые люди в городе
знали о ее продаже на слом, однако желающих
вложить средства в дело, которое не сулило
явной выгоды, не нашлось, а посему пожар в
ней не вызвал ни удивления, ни волнения.

О том, что на их глазах пропадает древний
ростовский памятник, свидетель Смутного вре-
мени, никому и в голову не приходило. К тому
же его разрушение благословил сам архиманд-

рит Апполинарий — это он повелел сложить в
колокольне дрова и поджечь их.

Был ли это единственный случай? Увы, нет.
На памяти ростовцев, тех, кто населял город в
девятнадцатом столетии, таких случаев было
великое множество.

Небрежение к памятникам в то время было
повсеместным. Иstromам хорошо известно
письмо Алексея Константиновича Толстого к
Александру II, в котором наш замечательный
русский писатель поднимает свой голос в защи-
ту древностей, указывая на то, что «бессмы-
сленное и непоправимое варварство» в отноше-
нии них «творится по всей России на глазах
и с благословения губернаторов и высшего
духовенства».

Противопоставлено этому варварству было
лишь заинтересованное участие в судьбах па-
мятников со стороны прогрессивных русских
писателей, художников и ученых.

Вступился за памятники и великий русский
художник Василий Васильевич Верещагин.
Он сделал это словом и делом, всем своим
творчеством...

* * *

С Ишны они возвращались в Ростов вме-
сте — Василий Васильевич Верещагин и Анд-
рей Александрович Титов. От храма Иоанна
Богослова до гостеприимного дома Титовых не-
сколько верст по редкому лесу. По пути Анд-
рей Александрович показал Верещагину, где
пройдет железная дорога, которая уже начина-
ла строиться из Москвы в Ярославль.

— Жаль, близко к храму, — вяло заметил
Верещагин. Стояла жара, и особенно говорить
не хотелось.

Их ждали к обеду. Художника любили у
Титовых, и он всегда с удовольствием бывал в
гостях в этом просторном каменном доме на
Московской, с окнами на улицу и на Яковлев-
ский монастырь.

— Парит, — сказал Верещагин, усажива-
ясь за обеденный стол, — сегодня будет гроза.

— Я побаиваюсь гроз, Василий Василье-
вич, — ответил Титов. — Сколько бед они при-
несли Ростову! Здесь бывают и смерчи, я как-
то вычитал об одном, что случился в 1299 го-
ду. Я, вы знаете, во время грозы всегда выпиваю
рюмку водки — так спокойнее.

Верещагин усмехнулся. Ему, кавалеру
Георгиевского креста 4-й степени за оборону
Самаркандской крепости от войск бухарско-
го эмира, сотни раз бывшему под пулями,
участнику русско-турецкой войны на Балка-
нах, эта привычка Титова казалась нелепой
причудой.

«Нужно самому все прочувствовать и про-
делать, участвовать в атаках, штурмах, побе-
дах, поражениях, — написал он незадолго до
приезда в Ростов, — испытать голод, болезни,
раны. Нужно не бояться жертвовать своей
кровью, своим мясом, иначе картины мои будут
не то»...

Послеобеденное время в уездном городе
самое тихое. Обыватели борются с дремой,
и лишь изредка тишину нарушает стук колес
крестьянской телеги, груженной овощами, —
ростовский огородник загодя везет на базар
свой урожай.

Верещагин и Титов беседуют в кабинете
хозяйна дома. Здесь прекрасная библиотека,